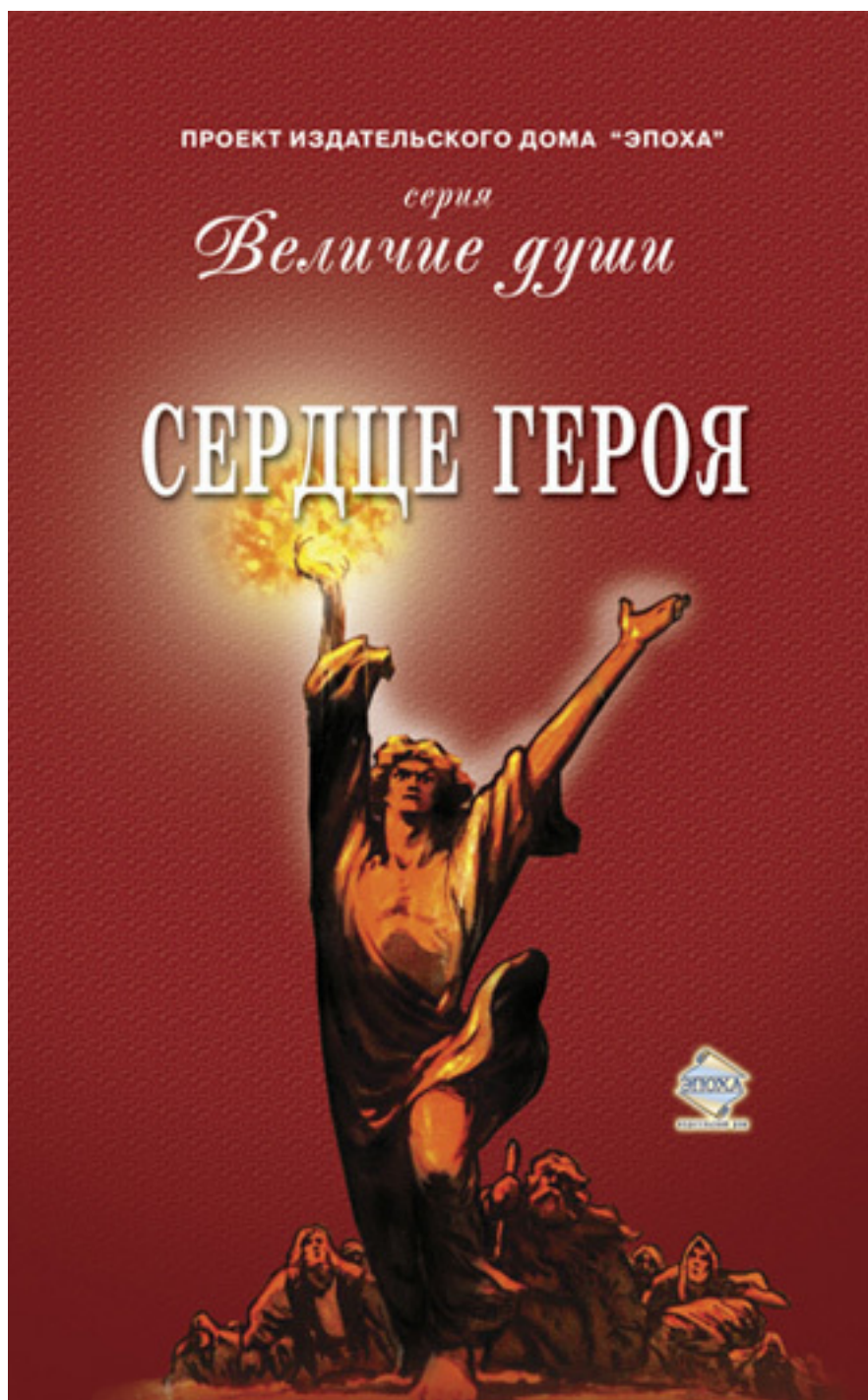

ПРОЕКТ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА "ЭПОХА"

серия
Величие души

СЕРДЦЕ ГЕРОЯ

Величие души

Коллектив авторов
Сердце Героя (сборник)

«Эпоха»

2013

авторов К.

Сердце Героя (сборник) / К. авторов — «Эпоха»,
2013 — (Величие души)

[<p id="__GoBack">](#)Настоящий сборник включает в себя произведения героической тематики, универсальной для всего мира – от Дагестана до Франции. Перед читателем предстают примеры истинного мужества и гуманизма, облаченные в увлекательную художественную форму. Книга издана на средства гранта Президента РД.

Содержание

Максим Горький	6
Сердце данко	6
Песня о Соколе	9
I	10
II	10
Песня о Буревестнике	12
Виктор Гюго	13
Гаврош	13
Дети Парижа	13
Маленький Гаврош	13
Гаврош опекает малышей	14
В слоне	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сердце Героя

© Д. Бродский, пер., 2013

© С. Липкин, пер., 2013

© Н. Ман, пер., 2013

© Сер. «Величие души», 2013

© ИД «Эпоха», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*«Легко гордиться прошлым своего народа, которое ты не создавал,
сложнее соответствовать этому великому прошлому».*

Мы все знаем: каждый из нас индивидуален! Но что каждый из нас, кроме того, и велик в своей начертанной только для него Богом судьбе и великолепен в предписанных только для него победах и поражениях, радостях, страданиях и разочарованиях, осознаём не всегда. Как не всегда осознаём и меру личной ответственности каждого из нас за будущее своего народа и своей Родины, за необходимость соответствовать этим предначертаниям Всевышнего каждый день, в каждом своём поступке.

Соответствовать высокому статусу достойных наследников своих предков и испытать счастье от божественного дара – быть человеком на Земле, лично ответственным за её покой и благополучие в такой же мере, в какой проявляли эту свою бескорыстную ответственность герои книг, с которыми вы встретитесь в наших изданиях серии «Величие души».

Редакционный совет

Максим Горький

Сердце данко

(из рассказа «Старуха Изергиль»)

Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой – была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора – явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жены и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна – назад, – там были сильные и злые враги, другая – вперёд, – там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота.

Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём в сером сумраке и ещё плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А ещё страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали. Но ничто – ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, – и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче.

Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один.

И вот он говорит им, своим товарищам:

– Не своротить камня с пути думую. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдём в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец – всё на свете имеет конец!

Идёмте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

– Веди ты нас! – сказали они.

Тогда он повёл...

Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним – верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Всё гуще

становился лес, всё меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещённые холодным огнём молний, казались живыми, простирающимися вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, тёмное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, – вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

– Ты, – сказали они, – ничтожный и вредный человек для нас! Ты повёл нас и утомил, и за это ты погибнешь!

– Вы сказали: «Веди!» – и я повёл! – крикнул Данко, становясь против них грудью. – Во мне есть мужество вести, вот потому я повёл вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

– Ты умрёшь! Ты умрёшь! – ревели они.

А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд, и видел, что они – как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них.

Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого ещё ярче загорелось в нём сердце, ибо эта их дума родила в нём тоску.

А лес всё пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

– Что сделаю я для людей?! – сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумлённые, стали как камни.

– Идём! – крикнул Данко и бросился вперёд на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивлённо качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца.

И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко все был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого

дождём Гроза была – там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что била горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, – кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и – умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...

Песня о Соколе

Море – огромное, лениво вздыхающее у берега, – уснуло и неподвижно в дали, облитой голубым сиянием луны. Мягкое и серебристое, оно слилось там с синим южным небом и крепко спит, отражая в себе прозрачную ткань перистых облаков, неподвижных и не скрывающих собою золотых узоров звёзд. Кажется, что небо всё ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чём шепчут неугомонные волны, сонно всползая на берег.

Горы, поросшие деревьями, уродливо изогнутыми норд-остом, резкими взмахами подняли свои вершины в синюю пустыню над ними, суровые контуры их округлились, одетые тёплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно задумчивы. С них на пышные зеленоватые гребни волн упали чёрные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены – все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, ещё скрытой за горными вершинами.

– А-ала-ах-а-акбар!.. – тихо вздыхает Надыр-Рагим-оглы, старый крымский чабан, высокий, седой, сожжённый южным солнцем, сухой и мудрый старик.

Мы с ним лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом, – у камня печального, хмурого. На тот бок его, который обращён к морю, волны набросали тины, водорослей, и обвешанный ими камень кажется привязанным к узкой песчаной полоске, отделяющей море от гор. Пламя нашего костра освещает его со стороны, обращённой к горе, оно вздрагивает, и по старому камню, изрезанному частой сетью глубоких трещин, бегают тени.

Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда всё кажется прозрачным, одухотворённым, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать.

А море ластится к берегу, и волны звучат так ласково, точно просят пустить их погреться к костру. Иногда в общей гармонии плеска слышится более повышенная и шаловливая нота – это одна из волн, посмелее, подползла ближе к нам.

Рагим лежит грудью на песке, головой к морю, и вдумчиво смотрит в мутную даль, опершись локтями и положив голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съехала ему на затылок, с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах. Он философствует, не справляясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем:

– Верный богу человек идёт в рай. А который не служит богу и пророку? Может, он – вот в этой пене... И те серебряные пятна на воде, может, он же... кто знает?

Тёмное, могуче размахнувшееся море светлеет, местами на нём появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла из-за мохнатых вершин гор и теперь задумчиво льёт свой свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу, на берег и камень, у которого мы лежим.

– Рагим!.. Расскажи сказку... – прошу я старика.

– Зачем? – спрашивает Рагим, не оборачиваясь ко мне.

– Так! Я люблю твои сказки.

– Я тебе всё уж рассказал... Больше не знаю... – Это он хочет, чтобы я попросил его. Я прошу.

– Хочешь, я расскажу тебе песню? – соглашается Рагим.

Я хочу слышать старую песню, и унылым речитативом, стараясь сохранить своеобразную мелодию песни, он рассказывает.

I

«Высоко в горы вполз Уж и лёг там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море. Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твердый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице, и прошипел он ей прямо в очи:

– Что, умираешь?

– Да, умираю! – ответил Сокол, вздохнув глубоко. – Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

– Ну что же – небо? – пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: «Летай иль ползай, конец известен: всё в землю лягут, все прахом будет...»

Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повёл очами...

Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье тёмном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

– О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

А Уж подумал: «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стоит!..»

И предложил он свободной птице: «А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут и поживёшь ты ещё немного в твоей стихии».

И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошёл к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошёл он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и – вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь омывши, одела в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным рёвом о камень бились... И труп птицы не видно было в морском пространстве...

II

В ущелье лёжа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

– А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полётам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать всё это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

Сказал и – сделал. В кольцо свернувшись, он прынул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рождённый ползать – летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся...

– Так вот в чём прелесть полётов в небо! Она – в паденье!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укору? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам всё знаю! Я – видел небо... Взлетал в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призываю я не поверю. Земли творенье – землёй живу я.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

Блестело море, всё в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их льюном рёве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

«Безумству храбрых поём мы славу!

Безумство храбрых – вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истёк ты кровью... Но будет время – и капли крови твоей горячее, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

Пусть ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поём мы песню!..»

...Молчит опаловая даль моря, певуче плещут волны на песок, и я молчу, глядя в даль моря. На воде всё больше серебряных пятен от лунных лучей...

Наш котелок тихо закипает.

Одна из волн игриво вскатывается на берег и, вызывая шумя, ползёт к голове Рагима.

– Куда идёшь?.. Пшла! – машет на неё Рагим рукой, и она покорно скатывается обратно в море.

Мне нимало не смешна и не страшна выходка Рагима, одухотворяющего волны. Всё кругом смотрит странно живо, мягко, ласково. Море так внушительно спокойно, и чувствуется, что в свежем дыхании его на горы, ещё не остывшие от дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы. По тёмно-синему небу золотым узором звёзд написано нечто торжественное, чарующее душу, смущающее ум сладким ожиданием какого-то откровения.

Всё дремлет, но дремлет напряжённо чутко, и кажется, что вот в следующую секунду всё встрепенётся и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков. Эти звуки расскажут про тайны мира, разъяснят их уму, а потом погасят его, как призрачный огонёк, и увлекут с собой душу высоко в тёмно-синюю бездну, откуда навстречу ей трепетные узоры звёзд тоже зазвучат дивной музыкой откровения...

Песня о Буревестнике

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, чёрной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и – тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике – жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, – стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, – им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объёмом крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утёсы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, чёрной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, – гордый, чёрный демон бури, – и смеется, и рыдает... Он над тучами смеётся, он от радости рыдает!

В гнев грома, – чуткий демон, – он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, – нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, выются в море, исчезая, отраженья этих молний.

– Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

– Пусть сильнее грянет буря!..

Виктор Гюго

Гаврош

(Из романа «Отверженные»)

Дети Парижа

Когда-то, много лет назад, Париж был полон бездомных детей, как лес полон птичек. Птичек зовут воробьями, ребят звали гаменами.

Это были мальчуганы от семи до одиннадцати лет. Жили они обычно стайками. Их родители, замученные нищетой и тяжким трудом, не могли, а иногда и не хотели заботиться о них. Но гамены не унывали. Обедали они не каждый день, зато каждый день, если им хотелось, пробирались в театр. На теле у них иногда не бывало рубашки, на ногах – башмаков, над головой не было крыши. Они целыми днями бродили по улицам, ночевали, где попало. Одеты они были в старые отцовские штаны, которые волочились по земле. Голову им покрывала чья-нибудь старая шляпа, сползавшая на самый нос.

Чтобы попасть в компанию парижских гаменов, надо было иметь немалые заслуги. Один, например, был в большом почёте за то, что видел, как человек свалился с колокольни, другой – за то, что на его глазах опрокинулся дилижанс, третий – потому, что был знаком с солдатом, который чуть не выколол глаза какому-то важному господину.

Крепкие кулаки очень ценились у них. Гамен любил прихвастнуть: «Вон какой я силач, посмотри-ка!». Всякий, кому случалось порезаться очень глубоко, «до кости», считался героем. Левше все очень завидовали. Косоглазый пользовался большим уважением.

У гаменов бывали постоянные стычки с полицейскими, которые устраивали по ночам облавы на маленьких бродяг. Потому-то гамен знал всех полицейских в лицо и по имени. Он изучил их привычки, для каждого подобрал прозвище: «Такой-то – предатель, такой-то – злока, тот – великан, а тот – чужак. Вот этот воображает, что Новый мост принадлежит ему одному, и не даёт человеку гулять по выступу за перилами моста, а тот любит драть людей за уши...».

Парижский гамен бывал почтительным, но бывал и дерзким насмешником. У него были скверные, гнилые зубы, потому что он плохо и мало ел, и хорошие, ясные глаза, потому что он много думал.

Маленький Гаврош

В те времена на бульваре Тампль можно было часто встретить мальчика лет одиннадцати-двенадцати, настоящего гамена. На нём были длинные мужские штаны и женская кофта. Но штаны были не отцовские, а кофта не материнская. Чужие люди из жалости одели его в эти лохмотья.

А были у него и отец и мать. Но отец о нём не заботился, а мать его не любила, так что его смело можно было назвать сиротой.

Привольно он чувствовал себя только на улице. Это был бледный и болезненный мальчик, но проворный, ловкий, смыслённый и большой шутник.

Он постоянно был в движении: бродил, распевая песенки, по улицам, рылся в сточных канавах, воровал понемножку, но легко и весело, как воруют кошки или воробышки, смеялся, когда его называли шалопаем, и сердился, когда его обзывали бродягой.

У него не было ни крова, ни хлеба, некому было пригреть и приласкать его, но он не тужил. Однако, как ни был он заброшен, ему всё-таки иногда приходило в голову: «Пойду повидать мать». Он расставался с привычными местами, с шумными площадями, бульварами, спускался к набережным, переходил мосты и, в конце концов, добирался до предместья, населённого беднотой.

Там, в убогой лачуге, жила семья весёлого мальчугана. Он приходил, видел вокруг горе и нищету, но что всего печальнее – он не видел здесь ни одной приветливой улыбки; холоден был пустой очаг, и холодны были сердца.

Когда он появлялся, его спрашивали: «Откуда ты?» Он отвечал: «С улицы». Когда он уходил, его спрашивали: «Куда ты?» – «На улицу», – отвечал он. А мать кричала ему вслед: «И что тебе здесь было нужно?».

Мальчик жил, не видя любви и заботы, точно бесцветная травка, которая растёт в погребках. Он не страдал от этого и никого не винил. Он даже не знал точно, какие должны быть отец и мать.

Мы позабыли сказать, что на бульваре Тампль этого гамена прозвали Гаврош.

Гаврош опекает малышей

В Париже весной часто выпадают холодные дни, когда можно подумать, что вернулся январь.

В один такой студёный апрельский вечер Гаврош стоял на многолюдной улице, перед ярко освещённой витриной большой парикмахерской, и зябко поёживался. На шее у него был шерстяной платок, неизвестно где подобранный. Казалось, он с восторженным любопытством смотрит, как восковая женская головка, замысловато причёсанная и украшенная цветами, поворачивается во все стороны и улыбается прохожим.

На самом же деле Гаврош наблюдал, что происходит внутри парикмахерской, рассчитывая улучшить минуту и стянуть с витрины кусок мыла, а потом продать его за несколько су¹ парикмахеру предместья. Ему часто случалось таким способом зарабатывать себе на обед. Он был ловкач в таких делах и называл это «брить брадобрея».

Любуясь восковой красавицей и нацеливаясь на кусок мыла, он бормотал себе под нос:

– Во вторник... нет, не во вторник! А может, во вторник... Да, верно, во вторник!

Он старался припомнить, когда обедал в последний раз. Оказалось, что было это три дня назад. В светлом и тёплом помещении парикмахер брил очередного посетителя, а сам косился на врага, на замёрзшего дерзкого мальчишку, который стоял у окна, засунув руки в карманы, и явно замышлял какой-то подвох.

Но вдруг Гаврош увидел, что в парикмахерскую вошли два мальчика меньше его: один лет семи, другой около пяти, оба неплохо одетые. Трудно было разобрать, чего они хотят – оба говорили разом. Младший не переставая плакал, а у старшего от холода стучали зубы. Парикмахер сердито обернулся, вытолкнул ребят на улицу, ничего не слушая, и крикнул им вдогонку:

– Шатаются зря, только холоду напускают!

Дети, плача, пошли дальше. Тем временем набежала туча, стал моросить дождь. Гаврош догнал ребят:

– О чём плачете, малыши?

¹ Су – монета в пять сантимов. Сантим – самая мелкая французская монета.

– Нам негде ночевать, – ответил старший.

– Велика беда! – сказал Гаврош. – Стоит из-за такой ерунды плакать! Вот глупышки! – И ласковым, но покровительственным тоном добавил: – Идём со мной, мелюзга.

– Пойдёмте, сударь, – ответил старший.

Дети, перестав плакать, доверчиво последовали за Гаврошем. Уходя, Гаврош с возмущением оглянулся на парикмахерскую.

– Бессердечная скотина! – ворчал он. – Сушная змея! Послушай, цирюльник, я позову слесаря и велю нацепить тебе на хвост трещотку.

Парикмахер настроил его на боевой лад. Перепрыгивая через лужу, он увидел старуху с метлой в руках и спросил у неё:

– Сударыня, вы решили покататься на своей лошадке?

И тут же обдал грязью лакированные ботинки прохожего.

– Болван! – злобно крикнул прохожий.

Гаврош высунул нос из платка:

– На кого изволите жаловаться, сударь?

– На тебя! – рявкнул прохожий.

– Контора уже закрыта, жалоб больше не принимаю.

Проходя мимо каких-то ворот, он заметил дрожащую от холода нищенку, девочку лет тринадцати-четырнадцати.

– Бедняга, она совсем раздета. На вот, возьми! – И, сняв с себя тёплый шерстяной платок, он развернул его и набросил на худенькие плечи нищенки.

Девочка с удивлением посмотрела на него и молча приняла подарок. А Гаврош только ещё больше съёжился от холода. Как раз в это время дождь снова припустил.

– Что за безобразие, опять дождь! – вскричал Гаврош. – Это мне уже не нравится. Ну, наплевать! – добавил он, увидев, как нищенка кутается в платок. – Зато ей будет тепло, она теперь как в шубе.

И он пошёл дальше. Дети торопливо семенили вслед за ним.

Проходя мимо булочной, Гаврош обернулся к ребятам:

– Малыши, вы обедали сегодня?

– Сударь, мы с утра ничего не ели, – ответил старший.

– У вас, видно, нет ни отца, ни матери? – тоном взрослого спросил Гаврош.

– Что вы, сударь! У нас есть и мама и папа, только мы не знаем, где они. Мы всё ходили по улице, искали чего-нибудь поесть и ничего не нашли.

– Ну, понятно, – заметил Гаврош, – собаки всё подбирают. – И, помолчав, добавил: – Так вы потеряли родителей? Не знаете, куда они девались? Это не годится, ребятки! Глупо терять старших. Ну что ж, надо всё-таки чего-нибудь перекусить.

Он больше не стал их расспрашивать. Не иметь крова – для гамена дело обычное.

Гаврош остановился и стал усиленно шарить в карманах своих штанов. Наконец он с торжествующим видом поднял голову:

– Успокойтесь, малыши, сейчас мы отлично поужинаем. Он выудил из кармана монетку, втолкнул ребят в булочную и, бросив деньги на прилавок, крикнул:

– На пять сантимов хлеба!

Булочник взял в руки нож и каравай хлеба.

– На три части! – скомандовал Гаврош и с достоинством пояснил: – Нас ведь трое.

Булочник, окинув взглядом детей, собрался было дать им чёрного хлеба, но Гаврош с негодованием крикнул:

– Это что такое?

Булочник вежливо ответил:

– Это хлеб, очень хороший хлеб второго сорта.

– Отрежьте белого, самого лучшего. Я угощаю!
Булочник улыбнулся и стал с любопытством разглядывать компанию.
– Что вы на нас уставились? Думаете, мы маленькие? – обиделся Гаврош.
Когда хлеб был отрезан, Гаврош сказал детям:
– Ну вот, теперь лопаите!
Дети растерянно смотрели на него. Гаврош расхохотался.
– Да, правда, они малы, ещё не понимают. – И протянул им хлеб: – Ешьте, пичуги!
Считая, что старший более понятлив и его следует особо ободрить, он протянул ему большой кусок и сказал:
– Ну-ка, раскрой клюв!
Себе он оставил самый маленький кусочек. Все трое были очень голодны и, стоя у двери, жадно уплетали хлеб. Булочник получил деньги и теперь смотрел на них с досадой, потому что они загораживали вход в булочную.
– Пойдём на улицу, – сказал Гаврош.
И они поплелись дальше, по направлению к Бастилии². Когда они проходили мимо ярко освещённых магазинов, младший из ребят останавливался и смотрел на висевшие у него на верёвочке оловянные часики.
– Вот дурачок! – снисходительно сказал Гаврош. Затем задумчиво пробормотал себе под нос: – Будь это мои ребята, я бы лучше смотрел за ними.
Они шли, медленно дожёвывая хлеб. На углу улицы Балле какой-то высокий человек окликнул Гавроша:
– А, это ты, Гаврош? Куда держишь путь?
Гаврош указал на ребят:
– Веду их на ночлег.
– А куда?
– К себе.
– Куда это?
– Да к себе!
– А у тебя есть жильё?
– Конечно!
– Где же?
– В слоне, – ответил Гаврош.
– Как в слоне?
– Да обыкновенно – в слоне. Что ж тут непонятного?

В слоне

В те времена на площади Бастилии стояло странное сооружение – огромный деревянный слон, оштукатуренный снаружи. На спине у него помещалась башня, напоминающая домик; когда-то она была выкрашена в зелёный цвет, но дожди и непогода перекрасили её в чёрный.

Слон стоял в пустынном углу большой площади. Широкий лоб, длинный хобот, клыки, башня на исполинской³ спине, ноги, похожие на четыре столба, – всё это превращало его ночью в страшное, сказочное чудовище.

К этому углу площади, едва освещённому далёким фонарём, Гаврош подвёл своих питомцев. Он понимал, что малышей испугает такой великан, и потому сказал:

² Бастилия – старинная крепость в Париже, в которой при короле была тюрьма для политических заключённых. 14 июля 1789 года она была разрушена восставшим народом.

³ Исполинский – большой, огромный.

– Не бойтесь, ребятаки!

Сначала он сам прошмыгнул в отверстие решётки, окружавшей слона, а затем втащил детей. Перепуганные ребята покорно и доверчиво следовали за своим оборванным покровителем, который накормил их и обещал им ночлег.

Внутри ограды лежала лестница, которой днём пользовались рабочие ближайшей стройки. Гаврош с удивительной для его лет силой поднял её и приставил к одной из передних ног слона. Как раз в том месте, куда доходила лестница, виднелась чёрная дыра в брюхе великана. Гаврош указал своим гостям на лестницу и дыру.

– Ползайте, – сказал он.

Дети в испуге переглянулись.

– Струсили, малявки! – воскликнул Гаврош. И прибавил: – Ну, смотрите!

Он обхватил руками шероховатую ногу слона и мигом, без всякой лестницы, добрался до отверстия, вполз туда, как уж вползает в щель, и скрылся, а спустя минуту его бледное личико показалось в тёмной дыре.

– Ну, – кричал он, – ползите скорей, козявки! Увидите, как здесь хорошо! Влезай ты первый, – обратился он к старшему, – я втащу тебя за руки.

Дети жались друг к другу. Они и побаивались Гавроша и верили ему, а так как дождь превратился в ливень, то старший мальчик набрался наконец храбрости. Когда маленький увидел, что брат полез наверх, а он остался совсем один между лапами громадного зверя, ему стало страшно и хотелось заплакать, но он не посмел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.